
К 70-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

История Второй мировой войны, 70 лет со дня начала которой исполняется в текущем году, регулярно привлекает внимание нашего журнала.

Редакция исходит из того, что основой для прояснения всех связанных со Второй мировой войной дискуссионных вопросов может быть приращение источниковой базы и расширение проблематики исследований, совершенствование их методов и приемов, наконец, свободное обсуждение самых трудных и болезненных тем в профессиональном сообществе, в том числе и на страницах профессиональных изданий.

Новые материалы по истории Второй мировой войны публикуются в двух выпусках.

В настоящем номере помещены работы, сконцентрированные на анализе недостаточно изученных аспектов, во-первых, ряда локальных военных конфликтов, в которых прямо или косвенно участвовал Советский Союз в конце 1930-х гг.; во-вторых, международных отношений накануне глобального военного противостояния.

Ряд статей, связанных с открытием для исследователей новых архивных документов о советско-финляндской войне и подготовкой к печати сборника «“Зимняя война” 1939–1940 гг. в секретных документах Центрального архива Федеральной Службы безопасности России и архивов Финляндии. Исследования и документы», дополняется исследованиями о военном и дипломатическом противостоянии в других регионах мира – от Испании до Дальнего Востока. Авторы по-новому раскрывают международную обстановку кануна Второй мировой войны и место ведущих европейских держав в ней.

В следующем номере читатель найдет материалы, посвященные непосредственно истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Локальные конфликты 1939–1940 гг. в контексте глобального противостояния

© 2009 г. А. Н. САХАРОВ *

ДРУГАЯ ВОЙНА: К ВЫХОДУ НОВОГО СБОРНИКА ДОКУМЕНТОВ О СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЕ

О советско-финляндской войне 1939–1940 гг., или как ее называют о «Зимней войне», известно многое. Прежде всего подробно, и с советской, и с финской стороны, описан сам ход войны, перипетии тяжелых и кровопролитных зимних сражений на суше и на море. Показаны самоотверженность и упорство бойцов. Именно в «Зимней войне» закалялся боевой характер советских воинов, которым предстояло через год с небольшим вступить в ожесточенную и беспощадную борьбу с немецким нашествием. Их смелость, выносливость, крепость духа, высокий патриотизм, исконно присущие российской армии, стали той основой, которая готовила, цементировала будущие победы в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг.

В общих чертах известны ход советско-финляндских переговоров кануна войны и выработка условий мирного договора.

* Сахаров Андрей Николаевич, член-корреспондент РАН, директор Института российской истории РАН.

Известны как официальная советская версия войны, говорящая о стремлении СССР обезопасить северо-западную часть страны и, в частности, Ленинград – крупнейший хозяйственный, политический и оборонный центр от нападения извне и отодвинуть границу от жизненно важных для страны центров, так и официальная финская версия, утверждающая, что на маленькую миролюбивую Финляндию напал опасный северный хищник, стремящийся уничтожить и саму Финляндию и финский народ. Идеологическим штампом прошлых десятилетий стали как утверждения советской пропаганды о безусловном антибольшевизме правящей верхушки Финляндии, о финских «белобандитах», так и рассуждения финских идеологов и пропагандистов о неудержимой советской экспансии, питающейся нетленными троцкистско-ленинскими заветами о мировой революции, жертвой которой и должна была стать маленькая и незлобивая Финляндия.

Можем ли мы сегодня отбрасывать все эти размышления и измышления лишь потому, что они были порождены неистовым противоборством двух сторон. Думаю, что нет. Во всякой пропаганде, во всяком идеологическом послы, как правило, всегда существует доля истины, вокруг которой и навешивается пропагандистская дымовая завеса. И задача исторической науки, в приложении в данном случае к «Зимней войне», заключается в том, чтобы рассеять эту дымовую завесу лжи и искажений, сопровождающих доброкачественную сердцевину в описании событий прошлого, и постигнуть другую, скрытую долю их правдивого освещения.

Так и с советско-финляндской войной. Сегодня уже доподлинно известно, что эта война стала следствием глубоких противоречий межвоенного развития европейских стран, основными знаковыми событиями которых стало появление на европейской карте на месте бывшей царской России Советского Союза, сокрушившего признанную мировым сообществом шкалу цивилизационных ценностей и утвердившего свой невиданный доселе общественный порядок, а также создание Версальской системы, сделавшей Германию европейским изгоем и способствовавшей в большей мере приходу фашистов, с их реваншистскими, экспансионистскими и националистическими лозунгами, к власти.

В этих условиях, конечно, наряду со стремлением советского руководства к продвижению в планетарных масштабах своих революционных идеалов, что, увы, постоянно являлось «детской болезнью» и других победоносных мировых революций (вспомним гегемонистские амбиции французских санкюлотов конца XVIII в., вылившиеся в конце концов в захватнические войны Наполеона Бонапарта), существовали и иные, весьма прагматичные расчеты: решить при помощи благоприятных международных комбинаций исконные для России XVI – начала XX в. геополитические задачи, вернуть утраченные территории на подступах к Балканам, воссоздать границы империи на Западе. К этим прагматическим задачам относилось, естественно, и укрепление безопасности северо-западных границ и, в частности, Ленинграда.

Советско-германский пакт 1939 г., но особенно «Секретный протокол» и дополнение к нему, лишь подчеркнули весь политический прагматизм этих задач. СССР по договору с Германией получил свободу рук по всем этим направлениям. Первыми на этом пути стали Западная Украина и Западная Белоруссия, потом наступила очередь Финляндии, затем жертвой этих договоренностей стали прибалтийские республики и Бессарабия. Советский Союз лихорадочно реализовывал представившиеся ему благоприятные возможности. При этом И.В. Сталин и его соратники прекрасно сознавали, что в свете официально провозглашенной экспансионистской программы Гитлера эти завоевания могут быть недолговечны, но понятно это стало лишь после визита В.М. Молотова в Берлин в мае 1940 г., когда все дальнейшие геополитические планы СССР натолкнулись на жесткое противодействие Германии. Выгодный для обеих стран компромисс закончился. Надвигалось тревожное будущее. И здесь «финский фактор» начинал играть для Германии все более и более весомую роль: и как свидетельство определенной военно-организационной слабости СССР, проявленной в

ходе «Зимней войны», и как возможный союзник в будущем, мечтающий о реванше после проигранной войны и потери ряда национальных территорий, и как сплоченный антикоммунистический и русофобский форпост на северо-западных границах СССР.

Если до осени 1939 г. и в течение всей «Зимней войны» «маленькая и миролюбивая» Финляндия находилась в основном в орбите внимания и поддержки со стороны воюющих противников Германии – Англии, Франции, скандинавских стран, в первую очередь, Швеции, а также США и Канады, то после разгрома Франции, оккупации Норвегии, Югославии и ряда других европейских стран Финляндия становилась все более действенным прогерманским рычагом в надвигающейся германской агрессии на востоке.

Именно эту «долю истины» и показывают рассекреченные документы из архивов спецслужб СССР и Финляндии.

В частности по данным Национального архива и Архива Министерства иностранных дел Финляндии эта страна задолго до начала «Зимней войны» готовилась к возможному противоборству и не «вообще», а конкретно, именно на Карельском перешейке и именно в зимних условиях. Уже в 1928–1929 гг. Генеральный штаб Финляндии разрабатывал планы на предстоящую войну с СССР и анализировал возможные ход и особенности будущей войны. Так в этих документах обоснованно говорилось о трудностях для наступающей стороны (о том, что СССР выступит стороной наступающей, сомнений не было) в условиях пересеченной, лесистой, болотистой местности, особенно в зимнее время, что потребует от частей Красной армии особой выучки и экипировки. К этой несложной истине советское военное руководство пришло уже в ходе самой «Зимней войны», уложив на Карельском перешейке десятки тысяч бойцов, потеряв огромное количество военной техники.

По данным финских архивов становится ясным, что опять же задолго до войны финны стремились разместить в западных странах военные заказы. Материалы заседаний комиссии по иностранным делам в Финляндском банке показывают, что уже в ходе начавшейся войны ведущие финские лидеры того времени – Маннергейм, Каллио, Таннер, Паасикиви, Ниукканен, Рюти, Каяндер, Эркко и другие в острейших дебатах пытались определить место Финляндии в тогдашнем мире, в частности в ее отношениях с США, Германией, Швецией, выявить оптимальные направления поиска союзников, а позднее наиболее выгодный момент для начала мирных переговоров с Москвой. Любопытно, что за три с половиной месяца до окончания военных действий, 2 декабря 1939 г., на заседании этой комиссии Маннергейм говорил: «Нужно предложить Москве переговоры. Мы оказались в настолько опасном положении, что я не представляю, откуда мы возьмем снаряды». И не антикоммунизмом и антибольшевизмом была охвачена Финляндия в дни военного противоборства. Финские документы показывают, что, начиная с 30 ноября 1939 г. – дня начала войны, финское общество было охвачено русофобскими настроениями, которые цементировали финский патриотизм.

О тесной привязанности Финляндии к западному сообществу, даже невзирая на начавшуюся Вторую мировую войну и, соответственно, на противоборство самих возможных союзников Финляндии в грядущей схватке с СССР, говорят и рассекреченные документы Центрального архива ФСБ РФ.

Зарубежная агентура НКВД внимательно отслеживала контакты на Западе финских руководителей, правительственных чиновников, военных, бизнесменов, представителей различных общественных организаций, в том числе в Англии, Франции, США, Канаде, Швеции, Германии. Глава НКВД Л.П. Берия в своих записках на имя И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова, В.М. Молотова по существу рисовал достаточно объективную и не выгодную для СССР картину, согласно которой практически весь западный мир готовился поддержать Финляндию и в ходе войны действительно поддержал ее.

Таким образом, согласно как финским, так и советским документам, публикуемым в томе, совершенно очевидно, что и сама война, ее ход, окончание определялись не столько антикоммунизмом финской стороны и революционным экспансионизмом

СССР, сколько прагматическими геополитическими расчетами как Советского Союза, стремившегося использовать выгодную международную конъюнктуру, в частности, договоренности с Гитлером, так и Финляндии, ставшей заметным политическим фактором на европейском континенте в ходе начавшейся Второй мировой войны и вызревающей схватки между Германией и СССР.

Представленные в томе документы показывают и такую непознанную доселе сторону «Зимней войны», как реальное соотношение сил, их тактику в зависимости от специфического зимнего характера войны в сложных рельефных и климатических условиях, экипировку войск, физическое и моральное состояние бойцов, и что немаловажно, настроение в тылу воюющих стран, состояние общественного мнения как в Финляндии, так и в СССР относительно целей, хода, результатов войны.

Но прежде всего следует сказать, что все эти данные, большинство которых публикуется впервые, стали возможны благодаря тому, что и финское, и советское общество (как и армейские части воюющих сторон) были под плотным «колпаком» спецслужб и СССР и Финляндии. Именно под «совершенно секретными» грифами предоставляли тайные агенты, информаторы, «особисты» руководству своих ведомств, а те – соответственно руководству своих стран близкую к реальности картину состояния общества и армии в те предвоенные, военные и послевоенные месяцы.

В СССР это были донесения особых отделов и агентуры НКВД в советской армии, данные, получаемые благодаря перлюстрации писем в армию и из армейских частей, сведения секретных осведомителей, внедренных буквально во все слои советского общества. В Финляндии – это документы Государственной полиции Финляндии, (спецслужб), донесения финской тайной агентуры, обзоры «Маан турве» («Опоры страны») – организации, целью которой стало наблюдение за настроениями народа и противодействие советской пропаганде и распространению негативных для финского общества слухов. Многочисленные информаторы и добровольная агентура были также источником секретных сведений.

Мне трудно судить о качестве этих материалов применительно к финской стороне. Важно лишь отметить, что они, несмотря на их секретный характер, что предполагает всестороннюю, как позитивную, так и негативную информацию, полны оптимизма, выявляют единство помыслов и устремлений армии и народа, доверие к руководству страны. Вместе с тем они отмечают усилия советских пропагандистских органов противостоять противнику, их стремление расколоть единство финнов, посеять среди них недовольство, подорвать боевой дух. Это стало отражением тех условий и настроений, которые сложились в финском обществе и в финской армии в связи с появлением противника на земле Финляндии, противника, цели которого, по мнению финнов, несли им потерю суверенитета и отторжение их территорий.

Что касается секретных сведений, представляемых руководством НКВД руководству страны, то можно со всей определенностью сказать, что это была блестящая работа. Оценки ситуаций, лиц (невзирая на чины и звания) носят объективный, жесткий, откровенный характер. Благодаря этим данным и этим оценкам, сегодня мы можем воссоздать в значительной мере другую, не видимую ранее сторону войны со стороны СССР. Это стало отражением как несправедливых целей войны, так и серьезных упущений командования, неготовности войск к серьезным боевым испытаниям в труднейших зимних условиях, неоправданных жертв, несмотря на героизм и самоотверженность бойцов.

Приводимые данные о силах противоборствующих сторон поражают огромным количественным перевесом советской армии, а также разнообразием участвовавших в войне родов войск – сухопутных, авиасоединений, морских сил. Создается впечатление, что советское руководство стремилось решить «проблему Финляндии» быстро и решительно, «не постояв за ценой». Ход войны, как показывают материалы тома, подтвердил эту версию, но лишь частично: за «ценой» действительно не постояли, о быстроте же и решительности говорить не приходится. И здесь таится,

пожалуй, главный вывод относительно хода и результатов боевых действий советских войск в «Зимней войне», скрытый доселе для истории: цивилизационно советская армия в ту пору была не готова действительно качественно, с минимальными потерями (что обычно характеризует любую победоносную войну и истинный талант военачальников) в короткие сроки достигнуть необходимого результата. Докладные записки главы НКВД Л.П. Берии руководителям страны демонстрируют это со всей очевидностью. По существу это документы не только и не столько о войне, сколько о состоянии советского общества и его армии, об уровне ее командования, о ментальности, в том числе военной, советских людей и о других цивилизационных факторах.

Публикуемые документы как раз и показывают «другую войну», которой мы до сих пор не знаем или знаем очень плохо, но которая является плотью от плоти общества в целом, как оно складывалось, развивалось, строилось по воле партийного и советского руководства во главе со Сталиным с конца 1920-х гг.

В связи с этим хочу вернуть читателя к событиям прошлых лет.

Секретные донесения информационного отдела ОГПУ руководству страны и непосредственно Сталину о состоянии советской армии, опубликованные в томах издания ««Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. (1922–1934 гг.)» и относящиеся к 1920-м – началу 1930-х гг., показывают катастрофические недостатки в состоянии советских вооруженных сил: слабый профессионализм командных кадров – выжившие времен Гражданской войны, дремучий уровень рабоче-крестьянских бойцов, коррупцию, воровство, пьянство в армейских частях, нарастающую враждебность красноармейцев к бессмысленно жестоким армейским порядкам (согласно данным перлюстрированных писем), слабую техническую оснащенность сухопутных и авиачастей. В 1930 г., например, заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода докладывал Сталину и другим членам советского руководства о плачевном состоянии авиации, где летчики и инструкторы имели слабую профессиональную подготовку, техническая часть была изношена, новые модели самолетов осваивались с трудом, частыми оказывались аварии и поломки самолетов по вине летного и технического состава и т.д.¹

Такие же изъяны обнаруживались в артиллерии, военно-морском деле и других составляющих армии и флота. Оправдание всему этому, увы, нашлось очень быстро: вредительство. Возможно, было и это. Но, судя по секретным рапортам ОГПУ, главной причиной беспорядков в вооруженных силах являлись отсутствие профессионального подхода к делу, расхлябанность, халатность, недисциплинированность на всех уровнях – как раз то, что характеризовало и общество, и его армию.

Попытка путем репрессий исправить положение дел во второй половине 1930-х гг. вряд ли удалась. Конечно, Сталин нанес сильный удар по армейской верхушке, связанной в силу исторических событий с его явными или мнимыми политическими противниками. Но одновременно жернова репрессий перемололи значительную часть командного состава, которую Сталин, Ворошилов и их соратники считали согласно донесениям ОГПУ, а позднее НКВД, ответственной за состояние армии и флота. Людей убрали, но ситуация не только не улучшилась, но даже ухудшилась: на командирские должности пришли наскоро обученные кадры, которые, судя по данным информаторов НКВД в период «Зимней войны», не сумели привести в состояние армии новые качественные изменения.

Первое, на что обращают внимание информаторы НКВД – это плохая координация войск с самого начала и в течение всего хода войны. Пограничные войска и общевойсковые части не могли в бесконечных спорах выяснить, кто и что должен делать. Огромное количество войск, оказавшихся зимой 1939 г. на Карельском фронте, порой мешали друг другу, создавали заторы на дорогах, пехота мешала танкам, танки мешали продвижению артиллерии. Неразбериха, отсутствие четких тактических установок, неповоротливость и нерасторопность приводили, согласно донесениям спецслужб, к неоправданному людским потерям, выводу из строя техники. Движение

по дорогам оказалось единственным способом передвижения, поскольку осенние болота, а позднее глубокий снег зачастую исключали другую возможность. Дороги же были финнами пристрелены и, как правило, минированы. Лыжи вовремя в армию не поступали, а когда, наконец, доставлялись до соединений, то оказывалось, что они были без креплений и без палок. И даже тогда, когда воинские части полностью оснащали лыжами с тем, чтобы совершать маневры, соответствующие местным зимним условиям, красноармейцы, не готовые к лыжным переходам, как это было в 8-й армии, бросали их и вновь возвращались на простреливаемые дорожные магистрали. Порой лыжи поступали в части, где бойцы просто не умели с ними обращаться, не были готовы к лыжным маневрам. Поразительно донесение о переброске на финский фронт 75-й дивизии с Украины. Там бойцы проходили выучку в равнинной, почти бесснежной полосе, а на севере должны были действовать на пересеченной местности в глубоком снегу.

Все это приводило к дополнительным трудностям и потерям. Красной нитью в докладах НКВД проходит мысль о совершенно некачественной службе армейской разведки. И даже тогда, когда разведанные были на руках, они порой игнорировались безалаберными и безответственными командирами. Зачастую войска не выставляли боевого охранения.

В рапортах спецслужб неоднократно указывалось на плохую систему связи в частях Красной армии, зачастую отсутствовали карты и даже компасы, что приводило к общей тактической дезорганизации, плохой координации взаимодействия частей, к отсутствию четкого определения своего места и своих соседей в системе боя. В результате нередко были случаи стрельбы по своим, атаки с воздуха собственных соединений, возникновения паники, появления разного рода слухов, затемняющих истинный смысл боевых событий.

Особое внимание донесения спецслужб обращали на плохую экипировку частей Красной армии. Наступали сильные холода, а часть красноармейцев продолжала нести свою службу в летних пилотках, без теплых рукавиц; ходила в ботинках, поскольку валенки вовремя также не поступали; не было и полушубков. Отсюда росло количество обмороженных, но по забитым дорогам раненых и обмороженных бойцов невозможно было доставить обратно в тыл к развернутым там госпиталям, и бойцы сутками продолжали лежать и гибнуть на заснеженных пространствах Карельского перешейка. Сами же госпитали развертывались через пень-колоду, небрежно, с большим опозданием, усугубляя и без того сложную обстановку с организацией войскового дела. В рапортах спецслужб приводятся данные о том, что бойцы на долгие дни оставались без горячей пищи.

Дотошные информаторы НКВД доходят и до бытового положения личного состава советских войск, отмечая грязь и тесноту в помещениях и землянках, невозможность для бойцов передохнуть, помыться. Поголовная вшивость и инфекционные заболевания становились закономерным сопровождением такого положения вещей.

Немало страниц в сводках НКВД уделялось и ситуации в районах формирования соединений, где частыми становились случаи пьянок командирского состава, неоправданных отлучек бойцов из частей, прямого дезертирства. Все это, наряду со слабой дисциплиной, несвоевременным и вольно трактуемым выполнением приказов или вообще их невыполнением, дополняло общую картину состояния советских войск на фронтах «Зимней войны».

Под стать этому были и материально-техническое оснащение и обеспечение войск, техническая выучка пилотов и танкистов. Моторы самолетов глохли в воздухе и пилотам, не выполнив боевого задания, приходилось возвращаться на свои аэродромы. К тому же, как отмечалось в сводках, летчики были плохо обучены и по их вине самолеты нередко терпели аварии. Танки из ремонта возвращались в неудовлетворительном состоянии – с отказывающими в работе цилиндрами двигателей, с постоянно подтекающим маслом. Многие из них в силу этих причин были ограничены в своих боевых маневрах, становились легкой добычей финской артиллерии.

Особый колорит общему облику Красной армии в тот период придают многократно упомянутые в материалах спецслужб случаи мародерства на захваченной финской территории. Тащили из домов, покинутых жителями, или даже в их присутствии, буквально все, что можно – велосипеды и швейные машинки, патефоны, шелковые женские платья, одежду, обувь, всякую утварь. И чем выше был чин мародера, тем с большим размахом предпринимались эти действия. С наивным восторгом советские бойцы – обитатели деревенских лачуг, пригородных бараков, «коммуналок» входили в благоустроенные, чистые, ухоженные, полные неведомого им быта дома финских городских обывателей, сельских, хуторских жителей и забирали все, что попадало под руку. Высшие начальники использовали для этого и механический транспорт. С холодной жестокостью Берия докладывал о практике мародерства и обо всех наиболее ярких и возмутительных, с его точки зрения, случаях Сталину, Ворошилову, Молотову как и о том, что финны прекрасно использовали эту слабость советских бойцов, минируя разнообразные бытовые вещи, оставленные в домах или брошенные на дорогах, на улицах городов, деревень, хуторов, и тем самым нанося урон живой силе противника.

Одновременно в этих же донесениях на основе перлюстрации писем военнотружущих, испытавших на себе силу сопротивления финнов и увидевших своими глазами страну, которую они пришли освобождать от «ига капитализма», заметны скрытое восхищение умелостью, стойкостью, нестигаемостью финских бойцов, надежностью и непробиваемостью их укреплений, от которых «отскакивают наши снаряды», удивление и горечь по поводу образа жизни финских городов, сел и хуторов. «Непонятно, – говорилось в письмах, – кого от кого освобождаем», «народ там живет хорошо», «куда нам воевать, когда страну кормить нечем» и грусть по поводу огромных потерь убитыми, ранеными, обмороженными, когда на глазах бойцов выбивались почти полностью целые соединения, а в живых оставались единицы.

Сигналы спецслужб не проходили мимо вождя и его соратников. Панацея, как обычно, была одна – репрессии. Многие случаи, выявляющие слабый профессионализм, расхлябанность, разгильдяйство, военную бесхозяйственность, недисциплинированность, типичное для России местничество, воспринимались и спецслужбами, и высшим руководством страны как вредительство. Следовали кары – аресты, предание военному трибуналу, расстрелы, создание контрольно-заградительных отрядов для борьбы с дезертирами. Так, в январе 1940 г. за упущения и военные неудачи был расстрелян весь штаб 44-й стрелковой дивизии. Однако это, видимо, мало помогало, потому что вплоть до конца военных действий сводки спецслужб и донесения руководства НКВД «наверх» по-прежнему изобиловали все теми же обвинениями, что и прежде. По существу все эти материалы рисуют весьма рельефно общую цивилизационную картину состояния Красной армии на рубеже 1930–1940-х гг., в канун предстоящего жестокого противоборства с гитлеровской Германией. Отсюда и тяжелые потери. По данным спецслужб советская армия потеряла в «Зимней войне» 150 тыс. человек против 23 тыс. финских бойцов. Разница более чем шестикратная. Даже ничего не ведая о сверхсекретных материалах спецслужб, можно уже на основании этих цифр прийти к неутешительным выводам об истинном характере войны со стороны СССР: воевали самоотверженно, но плохо, неумело.

Конечно, советское руководство (как и германское командование, которое через финскую и свою собственную агентуру располагало сведениями об истинном состоянии советской армии) извлекало соответствующие уроки из печального опыта «Зимней войны». Но за оставшиеся до немецкого вторжения год с небольшим кардинально изменить общее состояние дел было невозможно, что и подтвердилось в начале большой войны. Лишь позднее, за счет крайнего напряжения сил огромной страны, невероятных военных потерь, горьких поражений и лишений людей в тылу вкупе с выдвижением вместо обанкротившихся старых командных кадров плеяды командиров нового поколения, а также благодаря постепенному внедрению в армии профессионализма, организованности, высочайшей дисциплины и других

цивилизационно значимых составляющих военного успеха, в том числе новейшей военной техники, удалось к 1943 г. переломить ход событий в пользу Советского Союза. И пришли победы. Они стали преодолением тяжелой эстафеты, доставшейся стране, армии от «Зимней войны».

Существовала и еще одна сторона войны, которая до последнего времени упорно замалчивалась в отечественной историографии и которая становится сегодня достоянием научной гласности – это состояние советского общества, его отношение к «Зимней войне», положение в советском тылу.

Удивительно: то, что так тщательно замалчивала советская пропаганда военных месяцев, было широко известно не только в армии, но и буквально во всех слоях общества. В первую очередь это относится к оценке самой войны, ее так называемому освободительному характеру. Сводки спецслужб показывают широкий спектр народных настроений – от полного одобрения «политики партии и правительства», шапкозакидательских настроений кануна войны как в армейской среде, так и в обществе по поводу быстрого и безболезненного сокрушения «финских белобандитов» и т.п., до резкого осуждения этой политики как неоправданной, агрессивной, ставящей Советский Союз на грань противостояния со всем мировым сообществом.

Уже в это время народ своим, одним известным ему чутьем, понимал приближение большой беды. Это слышалось в разговорах о том, что «наш тыл не выдержит войны», в рассуждениях, что «жить стало невозможно, все отправляют в Германию, положение народа плохое». А когда началась война, общественное мнение оказалось практически единодушным: все откровенней становились негативные, пессимистические оценки как относительно целей войны, хода военных действий, так и положения в тылу. Сведения спецслужб под грифом «совершенно секретно» о тяжелых и безысходных боях в суровых зимних условиях, о плохой организации войск, неумелом командовании, о многочисленных и неоправданных жертвах – убитых, раненых, обмороженных – быстро становились достоянием всей страны, благодаря письмам из действующей армии, рассказам пребывающих в госпиталях бойцов, а также благодаря пропагандистским усилиям финской стороны в прифронтовой зоне (листовки, радиопередачи и т.п.). Эта реальная правда о «другой войне» становилась все шире. Ее обсуждение происходило во всех сферах общества, в том числе и на семейном уровне.

Что касается жизни населения в тылу, то люди очень скоро на себе почувствовали тяготы войны: резко выросли цены на продукты питания на рынках, в государственных магазинах не хватало самого необходимого, наступили перебои с хлебом. Во многих городах за хлебом выстраивались длинные очереди. Но люди еще не воспринимали все это всерьез: в очередях порой шутили и даже пели и плясали, надеялись на кратковременность трудностей. Лишь позднее, с осени 1941 г., уже в период Великой Отечественной войны, но особенно тяжело – зимой 1941–1942 гг. голодный, застывший, затемненный тыл почувствовал на себе весь трагизм положения. Очереди стали безысходными, угрюмыми, ночными, в жестокие морозы, которые стояли в ту пору. Прелюдией же ко всему этому и были трудности зимы 1939–1940 гг., о чем люди говорили, писали, но пока еще без драматической тревоги. Однако и эти сигналы отражались в донесениях спецслужб, дополняя общую картину военной страды.

Органы НКВД всеми силами стремились сбить эту волну разговоров, слухов, критики многочисленными арестами, репрессиями. Этими крутыми мерами ведомство Берии старалось опровергнуть свои же собственные секретные материалы, направляемые руководством страны. Это был удивительный парадокс системы, «парадокс Берии». Жертвой этого «парадокса» стала и наша семья.

Я прекрасно помню, как на одной из вечеринок в Челябинске, где семья жила в то время, отец и его друзья – двое инженеров, врач и художник, поодаль от дам, обсуждали события на советско-финляндском фронте. Звучали те же слова: о неумелом и непрофессиональном командовании, о нехватке теплых вещей в армии,

о непомерно больших потерях. Мужчины горячились, спорили. Отец говорил: «Ну, разве может Ворошилов осуществлять руководство армией!». Через некоторое время за ним пришли. В 11 час. вечера, перед его отъездом в Москву за новым назначением в строительный главк. Так круто повернулась жизнь нашей семьи, и я, мальчик из благополучной семьи главного инженера треста, стал сыном «врага народа». Недавно я ознакомился со следственным трехтомным делом отца. В начале первого тома лежал донос, написанный на листке из школьной тетрадки «в косую линейку», где говорилось о том, что такой-то вел антисоветские разговоры по поводу хода советско-финляндской войны. Корреспондент настаивал, чтобы его вызвали в НКВД для дачи более подробных показаний. И подпись. Это был врач, находившийся в той же компании и обсуждавший «другую сторону» этой войны. Отец был осужден по 58-й статье – «антисоветская пропаганда».

Так судьбы армии, страны сплетались с судьбами простых людей в эти тяжкие месяцы «Зимней войны».

В ту же ночь по Челябинску прошли многочисленные аресты, в том числе и среди наших знакомых. Обвинения были различные, но среди них значились и негативные оценки советских вооруженных сил в ходе «Зимней войны» 1939–1940 гг. Ту вечеринку я запомнил на всю жизнь...

Немало и других откровенных страниц несет в себе публикуемый сборник документов. Здесь и следы сталинской авантюры с созданием в ходе войны «народного правительства» Финляндии во главе с О. Куусиненом, и печальная история советских военнопленных, переданных по заключении мирного договора финнами советской стороне, и сама выработка этого мирного договора, закончившего войну, войну, которая, как показали последующие события в нашей истории, мало чему научила одурманенное собственным величием советское руководство. В «Зимнюю войну» за это расплатились десятками тысяч, а через год с небольшим плата пошла на миллионы.

Примечание

¹ См.: *Сахаров А.Н.* Народ и власть в 1930 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 8. Ч. 1. М., 2008. С. 57.

© 2009 г. Т. ВИХАВАЙНЕН*

К 70-ЛЕТИЮ НАЧАЛА «ЗИМНЕЙ ВОЙНЫ»

Войны XX в. отличаются тем, что их результаты почти всегда оказывались совсем не такими, которых добивались начавшие войну. Самыми яркими примерами этого были Первая мировая война, которая не решила поставленных начавшими ее задач, идеи Гитлера о процветании Германии за счет порабощения других стран. Германия и Япония стали процветающими только после того, как их имперские затеи были погублены в результате поражения во Второй мировой войне. К числу таких войн относится и так называемая «Зимняя война», о чем свидетельствуют публикуемые документы. «Зимняя война» 1939–1940 гг. между Советским Союзом и Финляндией на долгое время осталась «белым пятном» в советской историографии. Только в самые последние годы перестройки, когда был открыт доступ к документам, эта тематика стала широко обсуждаться в советской печати.

Причины умолчания, очевидно, не были связаны с тем, что масштабы или значение происходящего были незначительны. В реальности советско-финляндский конфликт 1939–1940 гг. был самой настоящей войной, масштаб которой превышал

* Вихавайнен Тимо, профессор Ренвалл-Института Хельсинского университета (Финляндия).